

Česnokov, Ivan Ivanovič

**Русская жизнь : между прошлым и будущим : опыт
ненаучного описания**

Opera Slavica. 2000, vol. 10, iss. 3, pp. 38-44

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117639>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ (Опыт ненаучного описания)

И. И. Чесноков

Русская жизнь может быть предметом научного анализа, но тогда будет непонятно, как мы до сих пор живы. Ведь наша жизнь имеет существенную особенность – продолжаться вопреки всему. Мы это понимаем, и потому ее научное описание – для нас то же самое, что рассказ влюбленным о любви как о биохимическом процессе.

Научная мысль с ее бесконечной аргументацией и претензией на адекватность вообще для нас малопривлекательна. Мы не любим сложных идей, впрочем, как и простых. Важнее то, что мы чувствуем. Возможно, поэтому мы с большим вниманием относимся к искусству. В художественных образах нам легче узнать себя. Мы верим в их реальность и пишем письма литературным героям.

Но больше всего мы любим задушевный разговор, в котором сами превращаемся и в ученых, и в художников, и в философов.

«Неправильно живем» – вот его главная тема, и мы говорим об этом на протяжении всей своей истории. И сегодня мы слышим голоса. В них все – гипербола, ирония и печаль, что и составляет содержание нашей нематериальной жизни.

В России хорошо умирать. Хотя бы потому, что жизнь человека здесь ничего не стоит. Можно сказать, она ему и не принадлежит, так как всегда подчинена СВЕРХИДЕЕ, которая всегда наготове у государства. А ОНА, в свою очередь, всегда требует жертв, наполняя таким образом нашу жизнь смыслом и обретая еще большую значительность.

Поэтому, пока ты жив, ты притворяешься. Умер – воистину верил, любил, страдал. В смерти есть какая-то бездонная чистота, и русские это чувствуют.

Значит ли это, что мы не любим жизнь? Вовсе нет. Это значит, что мы ее не знаем. Наши отношения с жизнью не очень разнообразны. Мы либо безразличны к ней, либо в периоды экзальтации стремимся ее изнасиловать. Тогда мы берем в руки топор и мстим прошлому – так мы строим будущее. У нас никогда не было и нет настоящего. В этом суть (соль) русской жизни, ее романтика, в этих обстоятельствах рождается то, что называют русской душой.

Русская душа, как незаконнорожденный ребенок, которому отказывают в правах из-за того, что были нарушены кем-то придуманные правила, несет в себе глубокий протест против всех писаных законов и формальностей.

Характерно, что на них всегда могли наплевать и те, кто их писал и «забыл об авторстве», и те, кто их читал, или не читал вовсе. Вероятно, любое ограничение, любой запрет никогда не вписывались в парадигму русской души не зависимо от социального положения ее носителей.

Мы и сегодня можем переступить через Конституцию так же легко, как и перейти улицу на красный свет.

Неверно при этом думать, что беззаконие – конститутивное свойство русской души, что хаос – закон русской жизни. Изъяны наших писанных законов всегда с избытком компенсировались законами неписаными. Последние хорошо работают и сегодня – послушайте выстрелы.

Конечно, мы понимаем, что все наши законы так же, как и все государственные и негосударственные институты, суть лишь проявление наших же пороков, или достоинств. Но мы не хотим об этом думать и предпочитаем вольницу.

Вольница – вот что всегда имело смысл. Это – отсутствие границ, и виртуальных, и реальных. Это – исходное состояние русской души. Вольница во многом определила и наш менталитет, и нашу географию.

Наши предки отвели себе столько земли не потому, что им жить было тесно, а потому, что душа требовала раздолья, чтобы было, где разгуляться. Тогда они думали о другом, а проявилось это позднее, в той части речемыслительного сознания, которая рождает так любимые нами художественные образы.

Послушайте русские песни, и вы обнаружите, что «...той широкой свадьбе было места мало: и неба было мало, и земли». Почитайте сказки, и узнаете, что, если «пир», то «на весь мир».

Народное гулянье и по сей день остается едва ли не единственным здоровым установлением на русской земле. Это многообразное движение чувств и, казалось бы, беспорядочное и бессмысленное движение людей всегда вносило в нашу жизнь порядок и смысл.

Россия не может быть маленькой, это противоречит размерам русской души. И не может быть агрессивной, так как все большое у нас – доброе.

Географическое пространство, которое мы называем бескрайними российскими просторами, обратнопропорционально нашему коммуникативному пространству. Оно в России настолько коротко, что от человека до человека – рукой подать.

Только в русском поезде вы встретите попутчика, который расскажет вам всю свою жизнь, просто так, чтобы выговориться. Попробуйте, и вы всегда найдете благодарного слушателя, который в ответ расскажет вам свою. (Профессия психиатра никогда не будет популярной в России – мы умеем избавляться от наблевшего.)

Наше коммуникативное пространство не перегружено этикетными действиями. Церемонии в общении нам малоинтересны, и мы не тратим на них время. И это не имеет ничего общего с неделикатностью. (Ведь, опуская в речи глаголь-связки, мы не нарушаем священных законов грамматики.) Просто мы готовы сразу перейти к делу и взять быка за рога.

В общении русских, как на фотопленке, проявляется то, что в лингвокультуре обозначено идиомой «душа нараспашку». Формально это хорошо выражено в первом движении рук гармониста, а по сути такое состояние представляет собой открытость, переходящую в прозрачность.

Говорят, мы очень открыты потому, что у нас ничего нет. «Нет, и не надо», – так считаем мы, стараясь не утратить равенства неимущих и сохранить открытость. Еще говорят, мы очень открыты потому, что у нас все есть. Бесконечность

российских богатств, которые как бы принадлежат нам всем, обусловила нашу бесшабашность в общении. И тех, и других объединяет одно – школа: традиционные материалистические учения.

А, между тем, наша открытость – это не только готовность поделиться последним, радушие или щедрость, граничащая с расточительством, это – прежде всего способ познания (откройся миру – и мир откроется тебе) и способ самовыражения.

Открываясь природе и людям, как и вдыхая полной грудью и вентилируя легкие, мы осуществляем особый энергетический обмен, без которого русскому человеку тяжело, особенно, когда он в других социумах. (Именно в других социумах мы начинаем понимать, что и семантика молчания имеет национальную специфику.)

Мир для нас слишком интересен, чтобы быть с ним «на Вы» и, помня об осторожности, держаться от него на почтительном расстоянии. Мы готовы отдать ему с потрохами и вобрать его таким образом в себя без остатка. Поэтому русский человек не может не «пить до дна», не «любить до гроба» и не «стоять насмерть».

Недаром русские поют: «...учили меня отец мой и мать: любить так любить, гулять так гулять, стрелять так стрелять.»

В этих словах выражено то, что можно было бы назвать эмоциональным экстремизмом, если бы это не было показателем нравственного здоровья и не соответствовало норме. А в таком состоянии не вспоминается прошлое и не думается о будущем.

А еще – мы неплохие игроки. И с достойными партнерами играем по-крупному. В русской рулетке – весь русский характер. И ответ на все вопросы, в том числе и о времени, и о вечности.

Так уж сложилось: если душа русская, то она принадлежит не только Богу и своему носителю на Земле, но и всем остальным. Она формировала общину, формировалась в ней и сохранила чувство общинности по сей день.

Мы приходим в этот мир для того, чтобы прижаться друг к другу как можно плотнее, так, чтобы чувства одного перешли в чувства другого и вызвали бурю в груди соседа. Так рождается эмоциональный взрыв, который и определяет ход русской истории. И мы не хотим знать, что при этом нейтрализуется разум индивида и не рождается коллективного. Мы не задумываемся над тем, что так каждый из нас стремится раствориться в людях, чтобы избавиться от собственной индивидуальности, что так мы отказываемся от своего «я» и превращаемся в управляемую толпу, чтобы в очередной раз принести жертвы и не понять, что нас обманули. Можно было бы сказать, что жертвоприношение – это образ жизни, если бы не одно обстоятельство – в жертву приносится жизнь.

В нашей новой истории не могли не появиться колхозы и коммунальные квартиры. Они опирались на нашу общенациональную психологическую совместимость, как и сами коммунистические идеи, под обаяние которых мы просто не могли не попасть.

У нас в палате на пять человек может лежать десять, а в камере на десять – сидеть двадцать, у нас в автобус на пятьдесят человек входит сто, и может войти еще столько же. Русская жизнь – это когда яблоку негде упасть, а люди находят общий язык и возможность подвинуться. «В тесноте, да не в обиде» – очень русская поговорка.

Наша общинность никогда не способствовала появлению индивидуально-стей. Но в России они появлялись всегда, во все времена. Для того, чтобы страдать больше других.

Индивидуальность – это не русское явление. В России некрасиво быть красивее других, и не умно быть умнее других. Надо быть таким, как все. Это – императив.

И уж совсем плохо быть богаче других. В сознании русских богатый и честный человек не могут быть представлены в одном лице. В России любят обиженных и обездоленных. Эти состояния понятны всем.

Русский человек не болеет, когда он лишен удовольствий. Он к этому привык. Порог чувствительности к лишениям настолько низок, что, когда у нас нет горячей воды, света, не работает телефон, и нечего есть, мы говорим: «Ничего, главное, чтобы не было войны.»

А, между тем, мы – отличные солдаты. Мы всегда воспитывались в жестких условиях и привыкли к борьбе за все.

Большую часть двадцатого столетия мы боролись за урожай, за всеобщую грамотность, за светлое будущее всех людей на Земле. Потом передумали.

Но государство и сегодня держит нас в хорошей форме: ведь многим, чтобы получить свою зарплату, надо или лечь на рельсы, или объявить голодовку. Мы и сегодня живем как на войне. Зайдите в больницу – медикаментов нет, продовольствие не привезли. Загляните на бензоколонку, и узнаете, что бензина осталось на два дня.

Государство знает, что русский человек великодушен. Он понимает, что государство не может без денег, а он может..., не получая полгода зарплаты, в очередной раз спускаться в шахту или проводить урок истории, он может в очередной раз оперировать на сосудах головного мозга и спасать очередную жизнь..., чтобы под утро отправиться домой пешком, потому что у него нет автомобиля и денег на такси, но есть силы жить правильно. Великодушие делает его большим и по-русски счастливым.

А русский человек знает, что государство работает над извечным русским вопросом «что делать?». Он понимает, что в философском смысле вопрос «что делать?» звучит совсем неплохо, но, когда его задает себе каждое очередное правительство, он приобретает совершенно иную окраску. Возможно поэтому для многих и многих в России прошлое всегда лучше настоящего и во много раз лучше будущего. Ведь будущее для них определяется временем очередного приема пищи.

В армии нас также учат выживать. В русской армии нет здоровых и больных, есть живые и мертвые. Еще здесь учат умирать, а это уже особая школа.

Русский человек часто живет по принципу: день прошел – и х. с ним. Эта формулировка была рождена то ли в тюрьме, то ли в армии, чем в совокупности всегда и была жизнь огромной массы людей, которая ВОПРЕКИ многому и во многом «благодаря» этому ВОПРЕКИ обрела силы, отстаивала себя и, сохраняя лицо, наполняла особым смыслом сочетание слов «русская жизнь».

Именно в этой жизни, когда прогностика говорит «нет», подсознание диктует: «Х.ня – прорвемся!». И прорывались. И слагали об этом песни. («И на эмке драной мы с одним наганом первыми въезжали в города.»)

Мы любим петь эти песни, напоминая себе о том, как было. А когда не воюем и не поем, то грустим, как мушкетеры, без боя.

Мы всегда с душой отзывались на призыв «Все, как один, на борьбу с ...» Деникиным, саранчей, тунеядством и многим другим. Мы сохранили эту реакцию и по сей день. И сегодня для нас устраивают концерты под лозунгом «Все на борьбу с видеопиратством!». Неважно, что подделка кассет карается по закону. (Мы его не читаем.) Государство знает главное: к нам надо правильно обратиться. Мы любим, когда нам поют песни, чтобы мы не воровали.

Мы вообще любим все художественное. Когда съемочная группа заезжает в какую-нибудь деревню, и режиссер, призывая жителей поучаствовать в массовой сцене, говорит: «Массовка стоит пять рублей» (что означает: пять рублей получит каждый участник), то на следующий день в назначенный час приходит вся деревня, и каждый держит в руке пять рублей, кое-кто и последние, желая помочь искусству.

Общество, в котором все, как один, обладает огромной энергией. Настолько огромной, что ему тесно в рамках настоящего. Поэтому его легко обращают то к прошлому, то к будущему. А настоящее здесь всегда принадлежит тем, кто им управляет.

Когда русские вместе, с ними что-то происходит. Это – правда. Но русский человек в строю не так интересен, как в минуту уединения, когда он вспоминает прошлое и мечтает о будущем. У него никак не вяжется первое со вторым. Не потому, что он не может в рамках возможного рационально соединить время, а потому, что не хочет – слишком скучно. И в этом особенность русского менталитета. Нравится, когда все делается «по шучьему велению».

Чей-то поверхностный взгляд когда-то назвал это ленью, не поняв природы русского человека и не заметив перспективы. Это – созерцательность. А созерцание дает знания и возможность концентрировать энергию. И то, и другое выплеснется потом, когда будет достаточно сильный эмоциональный импульс. Тогда русский человек «слезет с печи», «выьет для разминки пол-литра самогона», «съест сто пельменей», возьмет вилы и уйдет в лес. Он вскоре вернется со шкурой убитого им медведя, постелит ее на пороге своего дома, сядет, вздохнет и с грустью будет смотреть вдаль. (Говорят, когда-то такое могли делать и женщины.)

Послушайте, как русский человек разговаривает с цветами или животными. По количеству и содержанию эмотивных знаков в его речи вы определите, что он

чувствует, а потом узнаете, как это влияет на адресатов: и цветы растут быстрее, и животные не болеют.

В России всегда найдется человек, который просто проснется однажды утром и откроет закон. И не потому, что перед этим проведет полжизни в библиотеках а накануне будет мучиться во сне в поисках истины, а потому, что не суетится, а просто наблюдает мир, потому, что голова его не занята мыслями о том, как понравиться начальнику или нагадить соседу, потому, что чистота в мыслях делает голову светлой, а работу мозга – как извержение вулкана.

...А еще потому, что Россия – чудотворная страна. (Русская история «заканчивается» там, где начинается материализм.)

Русского человека трудно понять вне контекста русской жизни. Понаблюдайте за ним на Западе. Его приглашают к столу, а он говорит «спасибо, нет» и остается «голодным». Потому, что на Западе «нет» означает «нет», а для русского человека это нечто иное, ему самому до конца не понятное, но это то, что сильнее «чувства голода».

В этом смысле ему легче на Востоке. Здесь УМЕЮТ ПРИГЛАШАТЬ К СТОЛУ. Искусно выстроенными повторами здесь добиваются неслыханных результатов, здесь ЗНАЮТ ТОЛК В ЦЕРЕМОНИЯХ.

Но и на Востоке русскому несладко. Улыбки, поклоны и знаки согласия лишены здесь той психологически релевантной для него семантики, которой, по его наивному представлению, должен быть наполнен каждый паралингвистический ход. (В России мы мало улыбаемся, но уж если улыбаемся, то это что-то значит.)

И на Западе, и на Востоке удел русского – чувствовать себя не в своей тарелке. На Западе ему холодно, здесь каждый сидит в своем «золотом яйце», люди закрылись и «ненавидят» друг друга за свое одиночество. На Востоке слишком много «бессмысленных» жестов и «бесконечных» пауз.

Ностальгия. Так и хочется сказать: ностальгия – русская болезнь. Ощущение того, что прошлое лучше настоящего, заставляет его возвращаться. Русский человек умеет это делать. И очень часто вопреки примете возвращается в те места, где был счастлив. В поисках прошлого. Чтобы, как в сказке, превратить его в будущее.

Русская жизнь – это калейдоскоп «паралельных миров» и уникальных форм сознания. Русская жизнь дала «две культуры»: «культуру «Переделкино» и «культуру «Горемыкино». Восхищаясь полотнами Васнецова и музыкой Чайковского, мы можем «помочиться в умывальник». В этом наша экстравагантность и кривизна пространства нашей культуры.

Мы все любим язык Пушкина и Лермонтова, а на заборах по-прежнему пишем слова из трех букв. Мы ценим Чехова и Достоевского, а продолжаем жить по Ленину и Сталину. И сегодня в нашей культуре есть и Растроповичи, и Войновичи, а в политике – по-прежнему «Ильичи». (Впрочем, первых двух Россия «любезно отдала» миру, ей дороги другие люди.) Мы проложили дорогу в космос, а в распутицу не доберемся до деревни, где родились и выросли.

Мы как думаем, так и живем. Порядок в мыслях – это наш порядок в жизни. И однажды утром мы можем проснуться и передумать. Мы просто не знаем, чего хотим, от этого и страдаем.

Русская жизнь – как мираж: подул ветер – и ничего нет. В этих условиях трудно обрести покой еще при жизни. Но мы не знаем других условий и продолжаем экспериментировать. Мы не боимся будущего. Мы видели кузькину мать и теперь уже ничего не боимся. Лишь какое-то чувство подсказывает, что с нами ничего не случится. Ведь если с русскими что-нибудь случится, то на Земле станет скучно.

Говорят, мы любим покопаться в своей истории. Любим. Нам есть что вспомнить. И здесь важно не забыть уроков. Тогда все свяжется: и прошлое, и настоящее, и будущее. Но с уроками у нас неважно. Короткая память – вот причина ошибок, которые мы продолжаем повторять, вот лабиринт, выход из которого мы ищем, но забываем о пройденном пути и продолжаем блуждать, надеясь на чудо.

Русская жизнь – это не особая «форма жизни». Мы делаем то же, что и другие. Ведь все ошибки уже совершены, теперь человечество их только повторяет. Вопрос лишь в том, как долго длится цикл.

В русской жизни мы стали повторяться быстрее. Вот и все. А по сути наши повторы «ничуть не хуже» тех, что мы наблюдаем в природе. Ведь никому же не придет в голову сетовать на то, что каждый год наступает весна.